

УДК-327(091)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНООБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*А.А.Киреев*¹

Статья посвящена выявлению косвенного воздействия Второй мировой войны на процессы послевоенного регионообразования в Восточной Азии. В работе проводится сопоставление регионообразования в Европе и Восточной Азии с точки зрения его мотивации, задействованных механизмов и межуровневого распределения противоречий. Автор делает вывод, что процессы регионообразования в ВА, в отличие от Европы, оказались не способными к мирной трансформации противоречий, унаследованных от Второй мировой войны, и вероятность крупного военного конфликта в Восточной Азии сохраняется.

Ключевые слова: регион; война; Восточная Азия; Европа; международные отношения; трансграничные процессы.

Утверждение о том, что социальные конфликты обладают не только разрушительными, но и конструктивными функциями, к настоящему времени стало едва ли не общепризнанной аксиомой конфликтологической науки [11, 48–53]. Однако об этой аксиоме гораздо чаще вспоминают при изучении интрапсихологических, семейных, профессиональных и внутривластных конфликтов, нежели в исследованиях войн. Продуктивные последствия даже таких не обделенных конфликтов этого типа, как Вторая мировая все еще во многом остаются невыявленными. Одну из наиболее обширных и очень скупо освещенных сфер конструктивного воздействия последней мировой войны представляет собой международное регионообразование².

Вполне очевидно, что война, изменившая, а по сути, пересоздавшая, мировой порядок, не могла обойти стороной складывающуюся систему международных регионов. Однако насколько велико было ее конструктивное

¹ Киреев Антон Александрович - к. полит. н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: antalkir@yandex.ru.

² Под международным регионообразованием понимается вся совокупность процессов формирования международных регионов, включая как их стихийное появление под воздействием объективных социально-экономических и социокультурных факторов (регионализация), так и управляемый генезис в результате политических и институциональных усилий заинтересованных государств (регионализм).

© Киреев А.А., 2016

влияние на столь значимые сегодня для всего мира процессы регионообразования в Восточной Азии¹? На этот основной вопрос я попытаюсь ответить в данной статье.

Война, как процесс силового преодоления межгосударственных противоречий, может конструктивно воздействовать на процессы образования международных регионов в двух формах – прямой и косвенной. Прямое воздействие войны на международное регионообразование осуществляется непосредственно в ходе военных действий, их подготовки или оформления итогов. В этом случае создание регионов может быть как средством ведения войны ее субъектами (образование военных коалиций, союзов государств), так и одной из ее конечных целей. Косвенное воздействие войны на регионообразование имеет, как правило, значительно больший временной и пространственный масштаб, способно проявлять себя задолго до ее начала (через ожидания конфликта) и спустя длительное время по ее окончании. Главным фактором регионообразования в данном случае являются не стороны военного конфликта и их сознательные действия, а породившие его и порожденные им самим объективные противоречия, реализующие себя опосредованно, через промежуточные факторы. Суть косвенного воздействия состоит в том, что участники международных отношений, стремясь (сознательно или неосознанно, через опосредующие факторы) к преодолению объективных противоречий мирным способом, без прямого силового конфликта, пытаются достичь этого путем образования регионов. Именно эта косвенная разновидность воздействия войны на образование международных регионов и будет предметом дальнейшего рассмотрения².

На мой взгляд, существует три возможных механизма косвенного конструктивного воздействия войны на процессы международного регионообразования. Первый из них предполагает, что предотвращение возможного военного конфликта достигается посредством перераспределения и агрегирования силовых потенциалов государств, создания их уравнивающих и сдерживающих друг друга объединений. Таким образом, работа этого механизма ведет к появлению межгосударственных военно-политических регионов, которые, в отличие от военных коалиций, имеют не одноцелевой и оперативный, но многофункциональный и долговременный характер («сообщества безопасности»). Второй механизм косвенного воздействия войны обеспечивает мирное преодоление противоречий за счет международного обмена и распределения факторов производства, предметов потребления и самих потребителей (населения). Причем субъектами этих обменно-

¹ В состав Восточной Азии в данной работе включаются страны СВА (Япония, КНДР, КНР, РК, Россия, Монголия, Тайвань) и ЮВА (Бруней, СРВ, ЛНДР, Мьянма, Камбоджа, Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия, Сингапур).

² Для обозначения косвенного воздействия войны на образование регионов, в отличие от прямого, в работе будет использоваться термин «несиловое регионообразование».

распределительных процессов являются не только государства, но и субнациональные акторы. Запуск данного механизма приводит к возникновению социально-экономических регионов, как межгосударственных, так и межобщественных (трансграничных). Наконец, третий механизм преодоления противоречий приводит в действие процессы обмена духовными ценностями, идеологического и культурного диалога, конечным итогом которого становится формирование у сторон общей идентичности. Субъектами такого диалога могут быть и государства, но ведущую роль в нем играют негосударственные акторы, коллективные и индивидуальные. Результатом функционирования этого механизма являются социокультурные регионы, межгосударственного или межобщественного типа, которые по уровню своей внутренней интегрированности приближаются к государствам и обществам, принявшим участие в их образовании.

Названные механизмы регионообразования расположены в порядке возрастания степени единства, связности формируемых международных регионов, по мере их удаления от той анархии, которая свойственна классической (нерегionalизованной) международной среде. Однако этот порядок было бы неверно отождествлять с тенденцией к поступательному сокращению числа международных противоречий и конфликтов, с приближением к некому бесконфликтному состоянию. Напротив, с развитием процессов регионообразования количество противоречий и конфликтов должно скорее возрастать, однако это тот рост, который является не помехой, а органической частью и стимулом интеграции. Этот парадокс, уже давно описанный в конфликтологической теории [10], обусловлен изменением самой структуры международных противоречий, которое условно можно было бы назвать их «смягчением».

Подобное «смягчение» противоречий связано с трансформацией их субъектов и, соответственно, объектов. Так, образование военно-политических регионов представляет собой переход от анархии отдельных разновеликих государств к более крупным и более «уравновешенным» субъектам, сам масштаб объекта (в пределе глобальный) претензий которых (и вероятные издержки в борьбе за него) становится фактором взаимного сдерживания. Формирование социально-экономических регионов запускает принципиально иную трансформацию субъектов и объектов противоречий: параллельно с объединением субъектов (государств) происходит их дифференциация на множество субнациональных акторов, взаимопересекающиеся противоречия которых касаются локальных объектов. Перемещение социально-экономических противоречий с государственного уровня на субнациональный, с одной стороны, ведет к их «мельчанию», а с другой – способствует их деполитизации и демилитаризации. В целом следствием этого выступает снижение значимости государств (и их объединений) и государственного насилия (войн) в международных отношениях. Следующим шагом в том же

направлении является образование социокультурных регионов, которое также сопровождается дифференциацией субъектов и объектов соответствующих противоречий. Перетекание социокультурных противоречий на субнациональный уровень еще более ослабляет роль в международных отношениях государств и межгосударственных конфликтов.

Сделанные выше замечания позволяют конкретизировать поставленный в настоящей работе основной вопрос. Для того чтобы прийти к выводу о существовании и степени конструктивного воздействия Второй мировой войны (а точнее, связанных с ней международных противоречий) на процессы регионообразования в Восточной Азии (ВА), следует рассмотреть последние, по крайней мере, по трем параметрам:

- 1) мотивация регионообразования;
- 2) механизмы регионообразования и типы международных регионов;
- 3) острота противоречий на разных уровнях международных отношений.

Поскольку давать какие-либо оценки значений параметров международных отношений можно лишь в сравнительной перспективе, то перед тем как обратиться к ВА, по указанным параметрам будет рассмотрена Европа¹. Это связано с тем, что именно Европа, являвшаяся эпицентром Второй мировой войны, обычно воспринимается исследователями как пространство наиболее активных и успешных интеграционных процессов и своего рода эталон современного международного регионообразования.

Мотивация регионообразования в Европе

Тезис о том, что стремление избежать новой войны было ведущей побудительной силой для старта европейских интеграционных процессов, выдвигается многими учеными [5, 280; 15, 104]. Как известно, проект европейской интеграции («Соединенные Штаты Европы») начал широко обсуждаться уже после Первой мировой войны, и уже тогда он был органично связан с представлением о том, что никакие действия отдельных национальных государств не способны в достаточной мере гарантировать безопасность европейцев. Реанимация этого проекта по окончании Второй мировой, в атмосфере массового подъема антивоенных настроений, оказала прямое влияние на ряд принципиальных межгосударственных решений, принятых с 1948 по 1957 гг. и заложивших идеологический фундамент ЕЭС. В то же самое время, наряду с осознанием потенциала внутриевропейских противоречий, мощным источником энергии для ускорения европейской интеграции (в форме не только ЕЭС, но и НАТО) стало ощущение внешней, советской, угрозы.

¹ Под Европой здесь понимается часть пространства европейского субконтинента, ограниченная на востоке пределами бывшего СССР.

В последующие 1960–1980-е гг., по мере углубления интеграционных процессов, их распространения на субнациональный уровень (еврорегионы), актуальность мотивов урегулирования и предотвращения внутренних и внешних противоречий постепенно снижалась, уступая место более прагматичным интересам развития, повышения благосостояния участников регионообразования [21, 81]. Эта тенденция еще более укрепилась в 1990–2010-е гг., когда достигший высокого уровня сплоченности ЕС, пользуясь безусловным экономическим и политическим превосходством над своим окружением, встал на путь повышения своей безопасности за счет форсированного расширения, прежде всего, на восток. В результате из средства разрешения межгосударственных противоречий европейский регионализм стал зачастую превращаться в их новый источник, что выразилось в прямом или косвенном вовлечении ЕС в целый ряд международных споров и конфликтов вдоль своих границ (Югославия, Молдавия, Грузия, Украина и др.). Тем не менее, пацифистские ценности, принципы несилового обеспечения международной безопасности и в настоящее время существуют не только в основополагающих документах и политических декларациях ЕС. По крайней мере, в рамках «старой Европы» они продолжают играть роль важной массовой, по существу, культурной предпосылки сохранения и развития ее регионального единства [21, 88].

Механизмы регионообразования и типы международных регионов в Европе

В послевоенной истории регионообразования в Европе можно обнаружить работу всех его основных механизмов, следствием которой стало появление трех типов региональных общностей, каждый из которых охватывает почти все европейское пространство вплоть до границ бывшего СССР. Вместе с тем темпы и уровень развития этих типов регионов далеко не одинаковы, а их взаимные отношения не однозначны.

Хронологически первым (с 1949 г.) в послевоенный период был запущен механизм интеграции силовых потенциалов государств Европы. Механизм социально-экономического сотрудничества вышел на сопоставимый с ним уровень мощности лишь в 1957 г., с созданием ЕЭС. Впрочем, и по своему географическому масштабу, и по политической значимости ЕЭС еще долгое время находился «под сенью» НАТО. При этом Северо-Атлантический военно-политический регионализм, стратегически руководимый из Вашингтона, изначально не вполне вписывался в формат европейских интересов и ценностей, и в дальнейшем эта проблема все более давала о себе знать.

В 1960–1980-е гг. социально-экономическое регионообразование в Европе шло внутри его жесткого военно-политического каркаса, распространяясь главным образом «вглубь», на уровень локальных трансграничных евро-

регионов. Лишь по окончании «холодной войны», подписания Маастрихтского договора и создания ЕС (1993 г.) социально-экономическая интеграция превратилась фактически в локомотив всех регионообразовательных процессов в этой части мира, в ведущий механизм их развертывания не только «вглубь», но и «вширь». [4; 18, 329–335]. Вместе с тем с момента своего возникновения ЕС выдвинул претензии на соединение в себе качеств социально-экономического и социокультурного региона, доступ к материальным благам которого был бы прямо обусловлен признанием либерально-демократической идеологии, ценностей прав человека, и, в конечном счете, приобретением европейской идентичности [28]. После кризиса в Югославии 1991–1999 гг., страны ЕС предприняли попытку построения и собственной, автономной от НАТО, структуры обеспечения внешней (военной и невоенной) безопасности, основы которой были сформулированы в Европейской стратегии безопасности 2003 г. [17, 33–35].

Значительно расширившемуся с 1995 по 2013 гг. ЕС до сих пор так и не удалось сложиться во вполне однородное ценностное пространство [3, 46–49], о чем свидетельствуют хотя бы постоянные политические и культурные трения между элитами и населением «старой» и «новой» Европы. Не преодолена и витальная зависимость ЕС от военно-политического курса НАТО, влияние на который европейцев неуклонно уменьшается [7, 144–147]. И, тем не менее, при всей незавершенности и недостаточной скоординированности процессов военно-политического, социально-экономического и социокультурного регионообразования в рамках ЕС, он остается примером наиболее последовательной межгосударственной и трансграничной интеграции.

Острота противоречий на разных уровнях международных отношений в Европе

Вплоть до начала XXI в. европейское пространство, вовлеченное в процессы регионообразования, демонстрировало очень высокий уровень международной стабильности. Государства-основатели ЕЭС смогли добиться успеха в урегулировании множества взаимных противоречий и, прежде всего, центрального для Второй мировой войны и ряда более ранних конфликтов франко-германского антагонизма. Однако после резкого расширения ЕС в 2004 г. в отношениях между участниками этого регионального образования стала возрастать напряженность. На фоне усилившейся внутренней социально-экономической и культурной гетерогенности ЕС в нем отчетливо проявились противоречия по линиям Запад – Восток (страны Западной и Центральной Европы vs. новые члены из Восточной Европы) и Север – Юг (Северная и Центральная Европа vs. Южная Европа). Затруднив выработку единой (консенсусной) европейской политики, дальнейшее углубление интеграции и строительство общерегиональной идентичности, эти исторически обусловленные противоречия, тем не менее, вряд ли превратятся в непреодолимое

препятствие для развития региона. Одно из оснований для такой уверенности состоит в том, что данные противоречия не интерпретируются европейцами как противостояние государств. Во многом гораздо более остро эти разногласия выражаются и дебатированы на субнациональном уровне таким образом, что социально и идеологически близкие партии, общественные организации и группы из «противостоящих» стран Севера и Юга или Запада и Востока ЕС регулярно оказываются «по одну сторону баррикады»¹.

Структурно «смягченный» характер современных внутриевропейских противоречий хорошо виден при их сравнении с проблемами, существующими у ЕС с сопредельными странами, сформировавшимися на фундаментах мусульманской и восточно-христианской цивилизаций [2]. В отношениях с ними в последние годы ЕС стремится выступать как квазиимперия, готовая к использованию средств прямого дипломатического и стратегического давления, а иногда (при содействии НАТО) и военной интервенции (Ливия). Сталкиваясь с внешними субъектами, социально-экономическая и ценностная инаковость которых превышает его интеграционные способности, ЕС активно прибегает для разрешения противоречий к силовым методам. Ярким примером тому явилось принятое им в мае 2015 г. решение о применении оружия для уничтожения судов, перевозящих в Европу нелегальных мигрантов с северного побережья Африки [22].

Отталкиваясь от выделенных особенностей параметров регионообразования второй половины XX – начала XXI вв. в Европе, можно дать сравнительную характеристику сходных процессов, происходивших в тот же период в ВА.

Мотивация регионообразования в ВА

В качестве первой попытки интеграции ВА исследователи нередко оценивают разработанную на рубеже 1920–1930-х гг. в правящей элите Японии концепцию «Великой восточноазиатской сферы процветания» [16, 51–52]. Однако этот регионостроительный проект имел однозначно односторонний характер и прямо предполагал военные средства своей реализации.

Шанс использовать регионализм в целях мирного урегулирования противоречий в ВА появился в послевоенные годы. Однако ряд двусторонних договоров 1947–1954 гг. и образование СЕАТО в 1954 г., укрепляя перед лицом «коммунистической угрозы» отношения ключевых восточноазиатских стран с США [8, 84], не привели к появлению в ВА структуры, подобной НАТО. Во многом это было обусловлено тем, что идеи общей безопасности (в форме доктрины «сдерживания») формировались не во взаимодействии самих восточноазиатских государств, но имели в основном внешнее происхождение, т.е., по сути, искусственно внедрялись Вашингтоном, взявшим на себя роль связующего ядра региона.

¹ Особенно наглядно это воплощается в деятельности наднациональных фракций Европарламента [25].

К осознанию необходимости самостоятельного преодоления внешних и внутренних противоречий и возможности применения для этого механизмов регионообразования восточноазиатские правительства (в первую очередь, в ЮВА) пришли только во второй половине 1960-х гг.¹ Принципы несиловой политики и мирного разрешения споров, став важнейшей основой для создания АСЕАН, нашли наиболее отчетливое выражение в Декларации согласия членов этой организации, принятой в 1976 г. [13, 144–146].

Значительно позже, лишь на рубеже 1980–1990-х гг. проблемы коллективного обеспечения региональной безопасности утвердились в международно-политической повестке стран СВА. Знаковым событием в этом отношении стало создание в 1994 г. Регионального форума АСЕАН по безопасности [13, 158–159; 27, 229–230]. Тем не менее, до настоящего времени в развитии регионализма в СВА вопросам урегулирования последствий прежних и предотвращения возможных новых военных конфликтов в целом продолжает отводиться второстепенное место. Большинство институтов регионализма в масштабе СВА, ВА или всего АТР акцентируют в своей деятельности (во всяком случае, официально) мотивы взаимной выгоды и социально-экономического развития, дистанцируясь от задач поддержания мира и военно-политической безопасности.

Механизмы регионообразования и типы международных регионов в ВА

Как и в Европе, в послевоенной ВА процессы регионообразования начались ранее всего в военно-политической сфере. Однако и по прошествии более чем шестидесяти лет они так и не привели к возникновению общевосточноазиатского военно-политического региона. В середине 1970-х гг. устойчивое «сообщество безопасности» (включающее на сегодня 10 членов АСЕАН) сложилось только в ЮВА. СВА, несмотря на инициирование с 1990-х гг. целого ряда международных институтов, остается в военно-политическом аспекте фрагментированной. После краткого периода разрядки, с начала 2000-х гг. здесь вновь наметилось складывание двух противостоящих друг другу геополитических группировок – американско- и китаецентричной. Характерно, что неравенство потенциалов их участников обуславливает внутреннюю противоречивость каждой из этих группировок, затрудняющую взаимное уравнивание их сил.

Социально-экономическое регионообразование в ВА происходило со значительным запаздыванием. В ЮВА оно получило формальную институализацию в 1967 г., с созданием АСЕАН, но первые практические шаги в этой сфере были сделаны только в 1977 г. Процесс социально-экономической интеграции шел довольно медленно: так, принятое в 1992 г. решение о формировании зоны свободной торговли должно быть в полной мере реализовано всеми 10 государствами АСЕАН лишь в 2015 г. [16, 67–70]. С начала 2000-х

¹ В значительной мере под впечатлением от последствий втягивания США в конфликт во Вьетнаме.

гг. в эти интеграционные процессы стали вовлекаться и государства СВА. С 2002 по 2008 гг. Китай, Южная Корея и Япония подписали соглашения о свободной торговле со странами АСЕАН. Однако перспективы заключения ими подобного соглашения друг с другом и появления в итоге восточноазиатской зоны свободной торговли по-прежнему неясны [16, 82–85; 23, 114–120]. Главными препятствиями для образования единого социально-экономического пространства выступают политические противоречия стран СВА и негативное отношение к нему США.

На рубеже 1980–1990-х гг. оживились поиски общих ценностей, которые могли бы быть положены в основу единства восточноазиатского региона. Дискуссии по данной проблематике ведутся с этих пор в основном на неправительственном уровне, на различных экспертных международных форумах. К началу 2000-х гг. их результатом стало оформление концепции «азиатских ценностей», представляющих собой, по сути, модернизированный вариант традиционных общественно-политических норм буддо-конфуцианской цивилизации. Однако эту концепцию едва ли можно считать выражением сложившегося регионального консенсуса. Будучи достоянием части интеллектуальных и политических элит ВА, она не отражает ее сложной, поликультурной структуры и активно оспаривается сторонниками западных принципов регионализма, интерпретируемых космополитически, глобально [19, 308; 20, 149–157]. В таких условиях социокультурные механизмы регионообразования остаются практически не востребованными в политике восточноазиатских государств и их объединений. Включение задач построения региональной идентичности в официальные документы (как, например, План социокультурного сообщества АСЕАН) носит декларативный характер и мало влияет на состояние массового сознания обществ ВА [13, 152–153].

Острота противоречий на разных уровнях международных отношений в ВА

В отличие от Европы, в ВА после Второй мировой войны произошла серия крупных военных конфликтов (в особенности, в Индокитае), продолжавшихся с некоторыми перерывами вплоть до 1973 г. Эти конфликты были тесно связаны с результатами Второй мировой и запущенными ею процессами деколонизации. Межгосударственные военные столкновения (в основном в приграничных районах) имели место в ВА и позднее. До настоящего времени здесь существует широкая сеть территориальных проблем, часть из которых являются прямыми следствиями изъянов в построении послевоенного миропорядка (курильская, тайваньская, корейская проблемы), а другие, косвенно сопряженные с первыми, не могут быть разрешены без обращения к его структурным основаниям (споры в Японском, Восточно- и Южно-Китайском морях) [1, 75–107; 12, 25–28, 34].

Особенностью международных противоречий в ВА является их преимущественная концентрация на уровне отношений государств. Независимо от масштаба и круга непосредственных участников, от преобладания в них социально-экономического или ценностного содержания, эти противоречия имеют устойчивую тенденцию к превращению в споры по поводу национального (государственного) суверенитета и престижа. При этом, противоречия в ВА, артикулированные на государственном уровне, в подавляющем большинстве случаев не находят здесь своего разрешения¹, но обычно откладываются и замораживаются. Это особенно наглядно показывает динамика межгосударственных переговоров по территориальным проблемам, которые десятилетиями ведутся без какого-либо видимого прогресса. О низкой эффективности межгосударственной дипломатии говорит и та готовность, с которой правительства ВА прибегают к мерам стратегического давления на оппонентов, демонстративному наращиванию вооружений и «устрашающим» военным акциям на границах [6; 26, 142–144].

Между тем надежды на то, что противоречия, не разрешенные во взаимодействии государств, будут преодолены на уровне наднациональных региональных организаций, пока не оправдываются. Даже в самых успешных из этих структур, таких как АСЕАН, наиболее острые межгосударственные споры, касающиеся вопросов суверенитета, как правило, выносятся за скобки обсуждаемой повестки. Более того, во многих случаях региональные институты становятся не столько инструментами поиска взаимоприемлемых решений, сколько средствами мобилизации международной поддержки и изоляции оппонентов, т.е. своего рода «институциональным оружием». Об этом свидетельствуют сама явно избыточная численность региональных межправительственных форматов и очевидная связь их появления и угасания с колебаниями в позициях основных игроков на пространстве ВА [19].

Столь же незначительная роль в преодолении существующих противоречий принадлежит и субнациональному уровню международных отношений в ВА. Во-первых, в сравнении с европейскими, восточноазиатские субъекты этого уровня (партии, муниципалитеты, НКО и коммерческие фирмы, этнические общности и социальные группы) в целом заметно менее организованы, самостоятельны и влиятельны [20, 151–153, 184–185]. Их активность имеет в основном неформальный характер (регионализация), а формируемые ей структуры трансграничного сотрудничества отличаются узкой специализацией и непрочностью. Высокоинституализованных и комплексных трансграничных объединений, подобных еврорегионам, создаваемых «снизу» и способных развивать и при необходимости корректировать интеграционную политику государств и наднациональных субъектов, в ВА все еще не появилось. Во-вторых, в структуре восточноазиатских обществ по-прежнему силь-

¹ В этом смысле показательно сравнить судьбу территориальных споров на двух участках границ Китая – северном, со странами СНГ, и южном, протянувшемся от Индии до КНДР.

ны позиции слоев (прежде всего, сельского населения и малообеспеченных горожан), относящихся к интеграционным процессам, по меньшей мере, с настороженностью. Эти слои являются основными носителями этнических стереотипов и исторической памяти о взаимных обидах (нанесенных в т.ч. в годы Второй мировой), им свойственны националистические и реваншистские настроения и конфронтационные установки [14; 24]. Значительная численность этих общественных сил в странах ВА приводит к тому, что перенесение международных противоречий с государственного на субнациональный уровень чаще приводит к их не «смягчению», но обострению, к мобилизации граждан, к их сплочению вокруг правительств для защиты национального суверенитета и престижа. На то, что население восточноазиатских стран зачастую настроено намного радикальнее правящих элит указывают, например, события сентября 2012 г., когда действия правительства Японии в отношении островов Сенкаку вызвали волну массовых протестов в более чем 100 городах Китая, сопровождавшихся грабежом офисов и магазинов японских компаний [14, 248–250].

Представленный сравнительный обзор дает возможность зафиксировать некоторые особенности регионообразования в ВА. Если в Европе итоги Второй мировой войны поступательно активировали все механизмы несилового регионообразования, и совокупный результат их действия (т.е., прежде всего, ЕС) позволил преодолеть, конструктивно трансформировать основные противоречия, породившие этот конфликт, то влияние данной войны на развитие ВА оказалось иным. Восточноазиатские регионализация и регионализм послевоенного периода были лишены структурной и географической последовательности и полноты. Незавершенность военно-политического регионообразования стала препятствием на пути достижения высокой степени социально-экономической интеграции и сделала призрачными надежды на обретение ВА социокультурного единства. В результате основные международные противоречия (между Японией и другими странами ВА), вызвавшие некогда войну на Тихом океане, были скорее заморожены, чем трансформированы.

Однако искать ответа на вопрос о том, почему ВА до сих пор живет в тени завершившейся 70 лет назад войны и в ожидании нового мирового конфликта, только в самих процессах регионообразования было бы неверно. Ведь эти процессы совершаются в рамках объективных структурных ограничений, заданных природой и историей. Окончание Второй мировой смогло запустить интенсивную интеграцию в Европе во многом потому, что еще до начала войны по уровню социально-экономического развития и культурным ценностям ее страны были относительно близки друг к другу. Напротив, социально-географическая гетерогенность ВА остается до сих пор очень высокой, достигая своих крайних значений в рамках СВА [9]. Послевоенное расширение зоны высокого благосостояния (восточноазиатского Центра) за пре-

дела Японии, – на Южную Корею, Тайвань и отчасти приморские провинции КНР – только обострило проблемы внутрирегионального социально-экономического неравенства. Оно в значительной мере определяет живучесть политико-идеологического раскола ВА на азиатские либеральные (с азиатской спецификой) демократии и авторитарные (коммунистические и традиционалистские) режимы. Кроме того, обширная восточноазиатская Периферия обременена высокой этнокультурной и цивилизационной мозаичностью. Ситуация осложняется тем, что социально-экономическая поляризация и все виды ценностных расколов в большинстве стран не совпадают с национальными границами. Нерешенность задач внутренней консолидации большинства государств ВА, их историческая незрелость, слабость и, соответственно, склонность к силовым формам политики является ключевой проблемой региона. Именно она не позволяет выйти из традиционного круговорота геополитической анархии, что невозможно без трансформации ее главного субъекта – государства. От успешности процесса созревания восточноазиатских государств, достижения ими внутренней готовности делиться своим суверенитетом, прежде всего, и будет зависеть то, по какому пути, несилового регионообразования или новой большой войны, – пойдет в дальнейшем развитие ВА.

Библиографический список

1. Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. М.: Восток-Запад, 2010.
2. *Андерсон М.* Границы Европейского Союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/anderson.html>.
3. *Беляева Е.Е.* Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза. М.: МГПУ, 2012.
4. *Буданова И.А.* «Акторность» еврорегионов // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 57–63.
5. Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации: учебник / пред. ред. совета А.Н. Панов. М.: Восток-Запад, 2010.
6. *Губин А.В., Синенко И.Ю.* Северо-Восточная Азия на пороге новой гонки вооружений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. №4. С. 75–83.
7. *Ермаков С.М.* Куда ведет «умная оборона» НАТО? // Проблемы национальной стратегии. 2012. №5. С. 141–160.
8. История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977 гг. / Под ред. С.Л. Тихвинского. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1978.

9. *Киреев А.А.* Структурные условия развития трансграничного сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Проблемы национальной стратегии. 2014. №6. С. 146–159.
10. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000.
11. *Козырев Г.И.* Политическая конфликтология. М.: ФОРУМ, 2008.
12. *Колотов В.Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности и геополитическое измерение территориальных споров в Южно-Китайском море // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2013. №21. С.23–35.
13. *Коротич С.А.* Ассоциация государств Юго-Восточной Азии как ключевой актор Восточноазиатского регионализма // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 142–167.
14. *Кулинич А.А.* Национализм в странах Северо-Восточной Азии // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 239–257.
15. *Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Кнорус, 2014.
16. *Лукин А.Л.* Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток: ДВГУ, 2009.
17. *Новикова Д.О.* Новые инструменты международного кризисного урегулирования: опыт Европейского союза. М.: МГИМО-Университет, 2009.
18. Основы регионоведения / под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007.
19. *Севастьянов С.В.* В заключение: Конкуренция китайских и американских проектов регионализма и принципов их реализации в АТР // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 296–318.
20. *Севастьянов С.В.* Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: Вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток: ВГУЭС, 2009.
21. *Семененко И.С.* Метаморфозы европейской идентичности // Полис. 2008. Т. 3. С. 80–97.
22. Совет ЕС принял решение о запуске военно-морской операции в Средиземном море // ТАСС. 22 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2061312>
23. *Тоёда Т.* Политика японского регионализма: между Восточной Азией и АТР // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 112–124.
24. *Эсаулова Д.Е.* Сеул-Токио: попытки преодоления прошлого (2000–2011 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. №1. С. 34–42.

25. European Parliament. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/portal/en>
26. *Hornung J. W.* Japan and the Asia-Pacific // From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation. Vladivostok: FEFU Press; Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies, 2012. P. 138–150.
27. *Lukin A.* The Emerging Institutional Order in the Asia-Pacific: Opportunities for Russia and Russia-US Relations // From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation. Vladivostok: FEFU Press; Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies, 2012. P. 225–236.
28. The EU and human rights. [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/human_rights/about/index_en.htm

WORLD WAR II AND REGION FORMATION PROCESSES IN EUROPE AND EAST ASIA

A.A. Kireev

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok

The article considers the indirect effects of the World War II on the post-war processes of region formation in East Asia. The processes in East Asia are compared with those in Europe in terms of their motivation, mechanisms involved and inter-level distribution of contradictions. It is concluded that region formation processes in East Asia, unlike in Europe, proved incapable of peaceful transformation of contradictions inherited from the World War II, so the probability of a large military conflict in East Asia remains unchanged.

Keywords: region; war; East Asia; Europe; international relations; transborder processes.

References:

1. Panov A.N. *Asia - Pacific Region: regional issues, international organizations and economic groupings*. M., Vostok-Zapad Publ., 2010. (In Rus.).
2. Anderson M. *Frontiers of the European Union*. Available at: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/anderson.html>. (In Rus.).
3. Belyaeva E.E. *Cultural integration as the main strategy of the European Union's cultural policy*. M., Moscow City University Publ., 2012. (In Rus.).

4. Budanova I.A. "Actorness" of Euroregions. *Vestnik MGIMO-University*. 2013. № 3. P. 57-63. (In Rus.).
5. *Foreign Policy and Diplomacy of the Russian Federation*. Ed. by A.N. Panov M., Vostok-Zapad Publ., 2010. (In Rus.).
6. Gubin A.V., Sinenko I.Yu. North-East Asia on the threshold of a new arms race. *Ojkumena. Regional Researches*. 2013. № 4. P. 75-83. (In Rus.).
7. Ermakov S.M. Where does NATO "smart defense" lead to? *National Strategy Issues*. 2012. № 5. P. 141-160. (In Rus.).
8. *The history of international relations in the Far East. 1945 – 1977*. Ed. by S.L. Tikhvinskii. Khabarovsk, Khabarovskoeknizhnoeizd-vo publ., 1978. (In Rus.).
9. Kireev A.A. Structural conditions of the transborder cooperation development in Northeast Asia. *National Strategy Issues*. 2014. № 6. P. 146-159. (In Rus.).
10. Kozer L. *Functions of social conflict*. M., Ideya-Press publ., 2000. (In Rus.).
11. Kozyrev G.I. *Political Conflictology*. M., FORUM publ., 2008. (In Rus.).
12. Kolotov V.N. East Asian arc of instability and geopolitical dimension of territorial disputes in the South China Sea. *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2013. № 21. P. 23-35. (In Rus.).
13. Korotich S.A. Association of Southeast Asian Nations as a key actor in the East Asian regionalism. *Competing models and current trends of the East Asian and Asia-Pacific regionalism*. Vladivostok, FEFU; Dal'nauka Publ., 2014. P. 142-167. (In Rus.).
14. Kulinich A.A. Nationalism in countries of Northeast Asia. *Competing models and current trends of the East Asian and Asia-Pacific regionalism*. Vladivostok, FEFU; Dal'nauka Publ., 2014. P. 239-257. (In Rus.).
15. Lebedeva M.M. *World politics*. M., Knorus Publ., 2014. (In Rus.).
16. Lukin A.L. *Integration processes and institutions in the Asia-Pacific region: politics, economy, safety*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2009. (In Rus.).
17. Novikova D.O. *New tools for international crisis management: experience of the European Union*. M., MGIMO University Publ., 2009. (In Rus.).
18. *Fundamentals of Regional Science*. Ed. by I.N. Barygina. M., Gardariki Publ., 2007. (In Rus.).
19. Sevast'yanov S.V. In conclusion: The competition of Chinese and American regionalism projects and the principles of their implementation in the Asia-Pacific Region. *Competing models and current trends of the East Asian and Asia-Pacific regionalism*. Vladivostok, FEFU; Dal'nauka Publ., 2014. P. 296-318. (In Rus.).
20. Sevast'yanov S.V. *Non-state actors of East Asia cooperation: contribution to the development of regionalization and regional identity*. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ., 2009. (In Rus.).
21. Semenenko I.S. Metamorphoses of European Identity. *Polis. Political Studies*. 2008. № 3. P. 80-97. (In Rus.).

22. The European Council has decided to launch a naval operation in the Mediterranean Sea. *TASS*. June 22, 2015. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2061312>. (In Rus.).
23. Toyoda T. Policy of Japanese regionalism: between East Asia and the Asia-Pacific Region. *Competing models and current trends of the East Asian and Asia-Pacific regionalism*. Vladivostok, FEFU; Dal'nauka Publ., 2014. P.112-124. (In Rus.).
24. Esaulova D.E. Seoul-Tokyo attempts to overcome the past (2000-2011). *Ojkumena. Regional Researches*. 2012. № 1. P. 34-42. (In Rus.).
25. *European Parliament*. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/portal/en> (In English).
26. Hornung J. W. Japan and the Asia-Pacific. *From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ; Honolulu, Asia-Pacific Center for Security Studies Publ., 2012. P. 138-150. (In English)
27. Lukin A. The Emerging Institutional Order in the Asia-Pacific: Opportunities for Russia and Russia-US Relations. *From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ.; Honolulu, Asia-Pacific Center for Security Studies Publ., 2012. P. 225-236. (In English).
28. *The EU and human rights*. Available at: http://eeas.europa.eu/human_rights/about/index_en.htm (In English).